

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
26 (89)

ФИЛОЛОГИЯ
И
ИСТОРИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

СИРИЙСКОЕ НЕСТОРИАНСТВО В КИТАЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Историческое значение сирийской культуры не может быть раскрыто полностью без учета миссионерской деятельности несторианской церкви на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Путь христианства несторианского толка на Восток начался из Персии. Персидская церковь сложилась в IV в. В 410 г. на соборе персидской церкви в Селевкии были приняты правила и определения Никейского собора и примаас Персии получил титул католикоса. В 424 г. персидская церковь стала автономной, а на своем соборе 486 г. она приняла несторианское вероисповедание,¹ учение константинопольского епископа Нестора (ум. около 451 г.), согласно которому Иисус — это человек, через нитие святого духа ставший мессией (Христом). На Эфесском соборе 431 г. несторианство было объявлено ересью. Гонимые в Византии, несториане и расселились главным образом в Персии. С приходом арабов многие христиане из Персии бежали на Восток.²

Однако несториане, как известно, проникли в Китай еще до наступления арабов. Причиной их движения могли быть как преследования со стороны сасанидских властей в Персии, так и те торговые и культурные связи, которые издавна существовали по великому шелковому пути между Китаем и странами Ближнего Востока (Да Цинь, Фулинь в китайских источниках) через Центральную Азию. Под страной Да Цинь китайские авторы I тыс. н. э. подразумевали Римскую империю вообще, а точнее, ее восточные провинции, в особенности Сирию. Да Цинь во второй половине I тыс. н. э. стало также общим наименованием несторианской церкви в Китае. Фулинь объясняют иногда как Эфраим — наименование одного из древнееврейских племен и всей Палестины.

Сирийцы, христиане-несториане из других народов Ближнего и Среднего Востока играли видную роль в торговле Китая с Западом. Поэтому несторианские общины появились, по-видимому, в Китае еще в VI в. Из китайских источников известна семья Мар Саргиса (Ма Силицизисы), предки которой прибыли в Китай с Запада и поселились в Линьтао³ (совр. провинция Ганьсу) в 578 г. Последнюю дату указывает Ёсио Саэки, Ф. Холм предполагал, что первые христианские общины появились в Китае в 505 г.⁴ Во всяком случае очевидно, что появлению офи-

¹ Дворник Франсис. Миссии греческой и западной церкви на Востоке в средние века. — В кн.: XIII Международный конгресс истор. наук, М., 1970, с. 2—3.

² Suter Rufus. The words san-i-fen-shen in the inscription on the nestorian monument at Hsianfu. — Journal of American Oriental Society, 1938, vol. 58, № 2, p. 385. — О персидско-китайских контактах в I тыс. н. э. см.: Shaffer E. H. The golden peachis of Samarkand. A study of T'ang exoterics. I. Ecsedy. A middle persian-chinese epitaph from the region of Ch'ang-an (Hsian) from 874, the Chinese inscription. — Acta Orientalia Hung, 1971, t. XIX, fasc. 1—2, p. 149—158.

³ Цзинь ши [История династии Цзинь], гл. 124. Изд. Сыбу бэйяо, Шанхай, 1935, с. 773.

⁴ Saeki Y. The nestorian documents and relics in China. Tokyo, 1951, p. 86; Holm F. V. The nestorian monument in China. Chicago, 1909, p. 39.

диальной несторианской миссии при дворе династии Тан (618—907) в 635 г. и ее успеху была уже подготовлена благоприятная почва.

О появлении официальных несторианских миссионеров в Китае и об их деятельности на протяжении почти 150 лет мы знаем из первых рук — из «Памятника, [напоминающего] о проповеди светлого учения Да Цинь в Китае», установленного несторианами в столице танского Китая г. Чаньань в 781 г. Этот интересный памятник стал известен европейцам в 1625 г. Вопрос о месте его обнаружения до сих пор твердо не решен: или западное предместье г. Чаньань (совр. Сиань), поблизости от буддийского монастыря Чунжэньсы, или г. Чжоучжи, находящийся примерно в 50 км к западу от Сиань.⁵ Точно так же нерешенным остается вопрос и о том месте, где первоначально был установлен этот памятник.⁶ По внешнему виду памятник представляет собой обычную китайскую стелу: поставленный стоймя параллелепипед с округлым верхом, украшенным орнаментом, в данном случае с изображением вверху несторианского креста и заголовком надписи, выполненном крупными иероглифами. Текст надписи на китайском и частично сирийском языках был выгравирован на трех сторонах стелы (лицевой и левой и правой боковых). Памятник был установлен в честь и на пожертвования лица высокого духовного сана Исы (Язедбоузид), автором надписи был «персидский священник» Адам, имевший второе, китайское имя — Цзин Цзин. Памятник неоднократно переводился на европейские языки,⁷ русского перевода памятника, насколько нам пока известно, не существует. Все переводы разнятся между собой, особенно в частях, излагающих по-китайски основные принципы христианского вероучения⁸ в его позднейшем несторианском истолковании. Далее мы предлагаем читателю русский перевод отрывков из текста памятника, излагающих историю несторианства в Китае с момента прибытия первой официальной миссии (635 г.) до времени сооружения памятника (781 г.). В своем переводе мы руководствовались двумя показавшимися нам наиболее удачными английскими переводами текста Ёсио Саэки и А. Муля с привлечением китайского оригинала текста, воспроизведенного в книге Саэки.

«Памятник, [напоминающий] о проповеди светлого учения Да Цинь в Китае.

Славословие на памятнике, [напоминающем] о проповеди светлого учения в Китае, с предисловием к нему, составленное священником монастыря Да Цинь⁹ Цзин Цзином. . .¹⁰

Внемлите! . . . Когда совершенный император Тай-цзун (627—649) начал свое процветающее царствование в славе и великолепии и просвещенно и мудро правил народом, был в стране Да Цинь некто человек высоких достоинств¹¹ [епископ] по имени Алобэнь,¹² который по предначертанию лазурного Неба повез [с собой] каноны истины и, следуя вет-

⁵ Изложение различных свидетельств места обнаружения памятника и их исследование см.: D r a k e F. S. Nestorians monasteries of the T'ang dynasty.— Monumenta Serica, 1936—1937, vol. II, p. 294—303; M o u l e A. C. Christians in China before the year 1550. London, 1930, p. 27—28; S a e k i Y. The nestorian documents. . . , p. 26—33.

⁶ S a e k i Y. The nestorian documents. . . , p. 33.

⁷ См. перечень основных переводов: S a e k i Y. The nestorian documents. . . , p. 78—79.

⁸ См., например: S u t e r Rufus. The words. . .

⁹ Сы — термин, которым обозначался монастырь, учрежденный с ведома правительства и пользовавшийся его поддержкой.

¹⁰ Далее по-сирийски добавлено: «Адам, священник и хореепископ, вероучитель Китая». Нам кажется, что правы те исследователи, которые трактуют сирийское *ra-sh* как транскрипцию китайского фа-ши (наставник в законе, вере, вероучитель).

¹¹ Шан-дэ, высшие добродетели, достоинства. Полагают, что это был духовный сан епископа, см.: D r a k e F. S. Nestorians monasteries. . . , p. 306.

¹² Слово, подвергающееся самому различному истолкованию: Ябалеха, раббан, Абрахам и т. д. См.: S a e k i Y. The nestorian documents. . . , p. 84—85.

рам, преодолел все опасности. В девятом году эры царствования Чжэньгуань (635) он прибыл в Чаьнянь. Император отправил своего министра [цзайчэня], князя [гуна] Фан Сюань-лина с почетным караулом в западное предместье встретить гостя и проводить его в императорский дворец. Каноны были переведены в дворцовой [императорской] библиотеке, и [император] ознакомился с сутью учения в своем запретном городе, убедился в его правильности и истинности и издал особый указ о [дозволении] его проповеди. В двенадцатом году эры царствования Чжэньгуань (638), осенью в седьмом месяце [15 августа—13 сентября], был издан [следующий] императорский указ: „Учения не имеют постоянного наименования, мудрецы не имеют одного и того же тела. В разных землях утверждались разные религии, и все люди могут обрести спасение. [Человек] высоких достоинств [епископ] Алобэнь из государства Да Цинь принес с собой каноны и образа и поднес их в дар в [нашу] столицу. [Мы] внимательно изучили суть его вероучения и [нашли], что оно таинственно, чудесно и спокойно. Обозрев его принципы и наиболее существенные места, [мы] пришли к заключению, что оно покрывает собой все то, что наиболее важно в жизни. Его язык свободен от путанных выражений, его принципы так просты, что они прочно остаются в памяти. Это учение — спасение для всех живущих, оно благотворно для людей [и потому] может свободно исповедоваться во всей Поднебесной“. Поэтому местные власти построили монастырь [религии] Да Цинь в столичном квартале Инин¹³ и приписали к нему двадцать одного монаха. Когда были утрачены добродетели почтенной династии Чжоу, всадник на черной колеснице вознесся на Запад. Но добродетель не погибла, и путь истины был снова провозглашен в тот момент, когда династия Великая Тан начала свое правление и свежий ветер блестящей религии достиг Востока и овеивает его. Немедленно после этого местным властям было приказано взять подлинный портрет императора и скопировать его на стену монастыря. Божественное искусство проявилось в его многообразных красках, и ослепительная красота осветила ворота света [т. е. общину прихожан]. Священные черты [таким образом охраняли] дарованное [монастырю] великое благословение и осветили церковь навеки. . .

Великий император Гао-цзун (650—683) почтительно унаследовал дело предков. [Он] украсил и прославил истинную веру и основал монастыри светлой веры в каждом округе [страны].¹⁴ Соответственно он почтил Алобэня, пожаловав ему титул Великого князя веры, защитника государства. Законы [веры] распространились в десяти областях империи, и государство наслаждалось великим миром и согласием. Во многих городах были построены монастыри, и каждая семья обрела счастье и великий свет [спасения].

В годы царствования Шэн-ли (698—699) буддисты, пользуясь прочностью своего положения, подняли голос [против святой веры] в Восточном Чжоу, а в конце годов царствования Сянь-тянь (712) некоторые низшие [даоские] начетчики высмеивали и порочили ее в Западном Хао. Но сэн-шоу [архидиакон] Лохань [Абрахам], епископ Цзиле [Кириак] и другие, в том числе знатные из Золотого квартала и видные священники, отказались от всех мирских дел. Все эти люди объединились в восстановление прочного фундамента принципов [веры] и сплотились в деле упрочения порванных уз.

Император Сюань-цзун (712—755), называемый „достигшим совершенства в [познании] пути [истины]“, приказал Нинго и другим четырем князьям из правящей династии лично посетить обитель счастья [монастырь] и воздвигнуть там алтари. Таким образом, „освященные стропила“,

¹³ Находился в западной части Чаьняни.

¹⁴ Никаких исторических фактов, подтверждающих, что это решение было пре-творено в жизнь, пока не найдено.

которые временно прогнулись, были снова выпрямлены и укреплены, а священные камни фундамента [веры], которые были временно сдвинуты, поставлены на место. В начале эры царствования Тянь-бао (742) он [император] отдал приказ генералу Гао Ли-ши привезти подлинные портреты пяти императоров и поместить их в монастыре и пожаловал [монастырю] сто кусков шелка. Проявляя наивысшее почтение и благоговение к императорским портретам, мы чувствуем, что хотя мы и крепко держались за императорский лук и меч, но до бороды дракона нам было далеко. Хотя солнечные рога [портреты императоров] испускали ослепительное сияние, милосердные лица государей были [все же] так ласковы, что их можно было внимательно рассматривать с расстояния менее чем в один фут.

В третий год [той же самой эры царствования, 744] жил в стране Да Цинь священник по имени Цзихэ [Гиваргис—Георгий]. Наблюдая звезды, он решил посвятить себя делу проповеди и, глядя на солнце, он прибыл [в Китай], чтобы засвидетельствовать свое уважение наиболее почитаемому [т. е. императору]. Император приказал архидиакону Лоханю, священнику Пулуню [Павлу] и другим, всего семи человекам, совершать службы, чтобы совершенствовать свои достоинства и добродетели с этим епископом Цзихэ во дворце Синцин. Вслед за тем наименование монастыря, начертанное лично императором, появилось на воротах монастыря и на вывесках [также] были запечатлены письмена дракона [императора]. Монастырь стал посещаться теми, чьи платья были похожи на сияющее оперение зимородка, а все строения [монастыря] засверкали еще сильнее в лучах солнца. Вывески с надписями рукой императора парили высоко в воздухе, и их пламенный блеск соперничал с сиянием солнца. Дары императорских милостей были громадны, как высочайший пик на высочайших горах на юге, а река его богатой щедрости глубока, как глубины Восточного моря. . .

Император Су-цзун (756—762), совершенный и просвещенный, перестроил монастыри светлой веры в Линъю и Уцзюнь. Великий дух добрых деяний продолжал помогать ему, и счастливое царствование началось заново. Великое благословение было дано [ему и его народу], и императорскому наследию было гарантировано спокойствие.

Император Дай-цзун (763—779), просвещенный и воинственный, расширил священный трон, который он унаследовал, и вершил дела без усилий. Каждый год в день рождения императора он дарил [священникам] праздничные благоволенные курения с тем, чтобы доложить Небу о его заслугах. Он раздавал пищу со своего собственного стола и тем самым радовал братство светлой веры. Небо благословило его великим благословением, и он мог добиться всего и повсюду. Как святой, воплощение изначального пути Неба, он оказывал свое покровительство [светлой вере] и содержал тех, к кому благоволил.

Наш нынешний император Цзянь-чжун, августейший и мудрый в делах, как гражданских, так и военных, [взошел на престол в 780 г.], развил восемь [форм] правления, понизил недостойных и возвысил заслуженных. Он указал девять разделов великой схемы императорского правления и, таким образом, дал новую жизнь и силу своему собственному славному предназначению. [Эти] перемены ведут к пониманию самых сокровенных основ. И ничто не препятствует нам с благодарностью молиться за него. . .

Наш великий покровитель гуанлудафу с рангом, дающим право на золотую печать и пурпурные одежды, помощник военного генерал-губернатора [северных областей] Шофан, инспектор [императорской] экзаменационной палаты, пожалованный пурпурным священническим платьем, священник Исы [Язедбузид], человек кроткий и от природы расположенный к милосердию. С тех пор как он услышал о пути [веры], он пытался исполнять его. Из града царского дворца [Балха] он в конце концов прибыл в Китай. Слава о его учености высоко вознеслась при трех поколениях

[императоров Тан], так как он обладал полным знанием и мастерством во всех искусствах. Впервые начав верно служить [одному из тех, кто живет] в красном дворце [императору], он окончательно вписал свое имя в императорские книги. Когда государственный секретарь, ван области Фэньян, князь Го Цзы-и был назначен руководителем военных действий в северных районах Шофан, император Су-цзун приказал ему [Исы] выступить вместе с князем под его командованием. Хотя [Исы] был так близок с князем, что допускался в его палатку, служащую для ночлега, он вел себя строго и почтительно и ничем не выделял себя во время похода из среды прочих, а был когтями и клыками князя, глазами и ушами армии. Он раздавал все свое жалованье и все подарки, получаемые им, не копил богатств для себя и своей семьи. Он подарил монастырю кристалл, который был пожалован ему лично императором, и пожертвовал золототканый ковер, который был дан ему в знак благоволения самого императора. Он также отремонтировал старые монастыри и заново расширил залы для богослужения. Коридоры и стены [монастырей] были прекрасно украшены, крыши и карнизы, увенчанные разноцветной черепицей, походили на пятицветного фазана в полете. Позднее, когда он нашел приют в воротах света [монастыре], он пожертвовал все свои доходы на благотворительные дела. Каждый год он собирал священников четырех монастырей, и они [совместно] благоговейно совершали службу и ревностно молились пятьдесят дней. Если [к нему] приходили голодные, то они были накормлены, если приходили страдающие от холода, то они были одеты. Больных лечили и возвращали им здоровье, мертвых погребали на вечный покой. Среди чистых [людей], посвятивших себя служению Богу [дасо], еще не слышали о таком, но мы видим такого человека среди одетых в белые одежды наставников светлой веры. . .

Сооружено во втором году эры царствования Цзянь-чжун (781) Великой династии Тан. . . в седьмой день первого месяца (4 февраля)». Приписка по-сирийски гласит: «В год одна тысяча девяносто второй греческого календаря (1092—311=781) наш господин Яездбоузид, священник и хорепископ Кумдана, императорского города, сын покойного Милиса, священника из Балха, города в Тохаристане, соорудил этот памятник».

Итак, первая несторианская миссия во главе с епископом Алобэнь прибыла в столицу танского Китая в 635 г. Судя по надписи, почва для ее прибытия была подготовлена давними контактами Китая с Западом. К северу и северо-западу от Чаньань лежали районы с некитайским по преимуществу населением, среди которого значительное место занимали так называемые «ху», выходцы с Запада, в числе которых наряду с согдицами вполне могли быть сирийцы и христиане-несториане других национальностей. Китайские династии Суй (589—619) и Тан объединили Китай после почти трехвекового правления некитайских династий в Северном Китае, в районах к северу от р. Хуанхэ и даже южнее ее. Северный Китай «привык» к иноземцам с Севера и Запада, их земли лежали рядом, за Великой стеной и даже по ту сторону ее, которая была обращена к Китаю. Иноземцы тоже знали Китай, много их испокон веков жило в пределах китайских государств и состояло на службе у китайских императоров, достигая высоких постов. Чужеземная, тюркская кровь текла и в жилах императоров Тан. Связи с иноземцами были постоянными и взаимно плодотворными. Учитывая именно эти обстоятельства, а также отсутствие в Китае единой собственной религии и традиционную веротерпимость китайцев, можно понять, почему миссия Алобэня, о которой, несомненно, знали заранее, получила полную поддержку. Алобэня торжественно встретили в западном предместье столицы и проводили во дворец. Привезенные Алобэнем священные книги были переведены с сирийского на китайский в императорской библиотеке, что свидетельствует еще раз о том, что сирийцы или иноплеменные христиане-несторианцы знали Китай или были известны в Китае и ранее, ибо нашлись люди, которые сумели перевести

эти тексты с сирийского на китайский. Эта нелегкая работа заняла три года, с 635 по 638 г., когда император Тан, ознакомившись с сутью христианского вероучения несторианского толка, разрешил несторианам миссионерскую деятельность в Китае и объявил, что несторианство «может свободно исповедоваться во всей Поднебесной».

Самое любопытное, что кое-что из этих переводов, видимо, сохранилось и до наших дней. Сюда в первую очередь следует отнести текст, озаглавленный по-китайски «Сюй-тин-ми-ши-со-цзин», который был куплен японским профессором Такакусу у одного китайца в 1922 г. после знаменитого землетрясения в Токио. Исследователь этого документа проф. Саэки переводит его заглавие как «Канон Иисуса-Мессии» и считает, что текст его был составлен не позднее 638 г. лично епископом Алобэнь.¹⁵ Следующий текст — «И-шэнь-лунь» — «Рассуждения о монотеизме» — действительно бесспорно относится к указанному времени, так как датирован 641 г. Он был приобретен в Китае в 1916 г. японским профессором Томеока. Кроме этого, два несторианских текста на китайском языке были обнаружены известным французским синологом Полем Пелье в Дуньхуане.

В 638 г. в западном районе Чанъань, в квартале Инин, с позволения правительства был открыт несторианский монастырь, в котором по предписанию мог проживать двадцать один монах. На одной из стен монастыря был нарисован портрет императора Тай-цзуна, что должно было символизировать высочайшее благоволение к новой для Китая религии.

При преемнике Тай-цзуна императоре Гао-цзуне несторианство продолжало находиться под покровительством правящего дома. Алобэню был пожалован официальный титул «великого князя веры, защитника государства». По сведениям сяньюнского памятника, несторианские монастыри были учреждены в каждом округе, «во многих городах были построены монастыри», но все исследователи проблемы справедливо полагают, что на деле этого не было и монастырь в квартале Инин в г. Чанъань продолжал оставаться не только центральным, но и, возможно, единственным в Китае.

На рубеже VII—VIII вв., в правление императрицы У-хоу (684—705), несторианству пришлось столкнуться с открытой оппозицией буддистов, а через десять лет — нападками даосов. Видные священники — архидиакон Лохань (Абрахам) и епископ Цзиле (Кириак), — богатые несториане из «Золотого квартала» были вынуждены приложить все усилия к тому, чтобы не дать несторианству заглохнуть в Китае. Только при императоре Сюань-цзуне (712—715) начался новый подъем несторианства. Возможно, укрепление позиций несторианства было связано с приходом новых миссионеров с Запада, в частности упоминающегося в надписи Цзиле (Кириака). Цзиле, персидский священник, «босы сэн», по крайней мере дважды упоминается в китайских источниках: первый раз в 714 г. (второй год Кай-юань), когда чиновник Чжоу Цин-ли представил Сюань-цзуну диковинные приспособления и чертежи, изготовленные Цзиле,¹⁶ и второй раз в 732 г. (двадцатый год Кай-юань), когда персидский государь прислал к танскому двору с подарками правителя (шоулин) Паньнами и епископа (дадэсэн) Цзиле.¹⁷ Помимо Цзиле, в эти годы в Китай прибывали с запада, по-видимому, и другие несторианские миссионеры. В «Цзю Тан-шу» сообщается, что в 719 г. «дадэсэн», т. е. епископ, прибыл с дарами из Фу-линь (Эфройма).¹⁸

Таким образом, китайские источники, по-видимому, засвидетельствовали для нас второй тур прибытия несторианских миссионеров с Запада, повлекший за собой, после упадка во времена правления императрицы

¹⁵ Saeki Y. The nestorian documents. . . , p. 6, 114—117.

¹⁶ Ван Цинь. Цэ-фу-юань-гуй, гл. 546. Чжунхуа шудзюй, Пекин, 1960, с. 6548.

¹⁷ Там же, гл. 971, с. 11 409.

¹⁸ Цзю Тан шу, гл. 198. Изд. Сыбу бэйяо, с. 1658.

У-хоу, новый подъем несторианства в Китае. Вновь императорский дом покровительствует западной религии, его представители, князья, лично посещают «обитель счастья» — несторианский монастырь, несториане снова в почете, и «священные камни фундамента [веры], которые были временно сдвинуты, поставлены на место». В 742 г. в монастыре водворяются портреты пяти из семи, считая самого Сюань-цзуна и исключая императрицу У-хоу, танских императоров. В 744 г. из Сирии или соседних мест (Да Цинь) прибывает новый миссионер Цзихэ (Гиваргис, Георгий), возможно, как полагает Саэки,¹⁹ поощренный успехами миссии Цзилэ. И на этот раз несторианам сопутствует успех. Сюань-цзун позволил Цзихэ с семью другими священниками отслужить службу в своем дворце Синцин. Как полагает Ф. С. Дрейк, по-видимому во дворце Сюань-цзуна, на этот раз в восточной части Чаньани, был открыт второй монастырь.²⁰ Надписи, начертанные августейшей рукой, украсили монастырь, и высочайшее покровительство привело к тому, что этот монастырь стали посещать представители китайской знати, те, «чьи платья были похожи на сияющее оперение зимородка».

При императоре Су-цзуне (756—762) несторианство, возможно, достигло наивысшего успеха в Китае. Были восстановлены или открыты новые монастыри в Линъю (современный Нинся-хуэйский национальный округ) и Уцзюне (в округе Чжоучжи, провинция Шэньси). По подсчетам Ф. С. Дрейка, в Китае в эпоху Тан были следующие несторианские монастыри: два в Чаньани (сирийское наименование Кумдан), Инин и в восточной части города, во дворце Сюань-цзуна, монастыри в Линъю и Уцзюне, церковь в Лояне (сирийское наименование Сарар), второй, восточной столице Тан. Наконец, имеются упоминания о двух монастырях в современной провинции Сычуань, в ее столице г. Чэнду и на горе Эмэй²¹ (к югу от Чэнду). Поскольку в некоторых китайских источниках — «Лян-цин-синь-цзи», «Чаньань-чжи» — монастырь Алобэня — первый несторианский монастырь в Китае, Инин, назван «монастырь иноземцев из Персии», Ф. С. Дрейк полагает, что упоминаемые также в танских письменных памятниках «персидские монастыри» в двух других кварталах танской столицы Лицуюань и Бучжэн могли быть тоже несторианскими.²² Таким образом, в Китае при самых оптимальных подсчетах, по имеющимся сведениям, могло быть не более десятка несторианских монастырей. Самым характерным является их географическое расположение: пять из них (если предположить, что четыре монастыря были в Чаньани, а один — в Лояне) находились в столицах Тан и, очевидно, обслуживали иноземные торговые колонии, посольства или иноземцев, поселившихся в столицах, рядом с центрами общественной и торговой жизни страны. Четыре остальных были на западе: два — в Линъю и Уцзюне, в районах с преобладающим некитайским населением, два — в Сычуани, тоже в западных областях Китая, где всегда были свои местные контакты с Западом и известный процент некитайского населения, численность которого резко возрастала с каждым километром удаления от Чэнду на Запад и Северо-Запад. По-видимому, во внутренних районах Китая миссионерская деятельность несториан никакого успеха не имела. В этом отношении характерно свидетельство китайского источника («Тан вэнь цуй», гл. 65) о том, что хотя танский двор и позволил проникнуть в страну манихеям, христианам, зороастрийцам, но число «монастырей этих трех иноземных религий во всей стране не сравнится с числом наших буддийских монастырей в одном маленьком городке».²³ До сих пор проблематичным остается вопрос о том, были ли верующие несториане из числа китай-

¹⁹ Saeki Y. The nestorian documents. . . , p. 95.

²⁰ Drake F. S. Nestorians monasteries. . . , p. 306.

²¹ Ibid., p. 307, 328—330.

²² Ibid., p. 312—314.

²³ Ibid., p. 305.

цев. То внимание, которое, по словам памятника, оказывали императоры, их родственники и отдельные сановники несторианским священникам и монастырям, свидетельствует не об их склонности к христианству, хотя в отдельных случаях какую-то личную любознательность в ознакомлении с догматами новой веры вряд ли следует отрицать, а об отражении определенной политической заинтересованности в широких контактах с Западом, в том числе и явно с силами антиарабскими, ибо известно столкновение китайских и арабских интересов, приведшее в середине VIII в. к прямому военному конфликту. И поэтому даже в конце VIII в. высшие наставники несторианской веры в Китае были лицами не местными, а выходцами с Запада, примером тому служит и сам донатор и строитель надписи Язедбузид, выходец из Балха, сделавший в Китае, помимо духовной, и блестящую политическую карьеру, что не удивительно на фоне хорошо известного обилия некитайских сановников и полководцев при дворе Тан.

Несторианство не имело прочных корней в танском Китае, в первую очередь на местной китайской почве, что и привело его, по-видимому, к почти полному краху после гонений на иноземные религии в 845 г.²⁴ и последовавшего затем мощного крестьянского восстания Хуан Чао и гибели Тан. «Ворота света» рухнули, ибо их фундамент оказался непрочным, но отблески «светлой веры» мы находим в Китае и сопредельных районах Центральной Азии еще по крайней мере несколько столетий.

Центральная Азия, в первую очередь районы современной Монголии, были объектами как непосредственной миссионерской деятельности несториан с Запада, ибо Средняя Азия, Иран, Ближний Восток вели свою торговлю с этими районами, так и, возможно, объектом воздействия со стороны несториан из Китая. И здесь несторианство не добилося полного успеха, но «к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоев получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов».²⁵ С. Г. Кляшторный, исследовавший в интересующем нас аспекте Суджинскую надпись одного кыргызского аристократа Бойла Кутлуг Яргана, полагает, что несторианство проникло к кыргызам с Запада от тюрков-карлуков. Карлукские правители, ябгу, покровительствовали христианству, а «тесный союз с карлуками и борьба с уйгурами-манихеями явились . . . теми политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников».²⁶

Не получив широкого распространения и тем более статуса господствующей религии, христианство несторианского толка тем не менее продолжало существовать, очевидно, не без притока свежих сил с Запада, среди народов Центральной Азии и Северного Китая еще в течение нескольких веков. Несторианские погребения из Семиречья подтверждают «факт существования в XIII—XIV вв. н. э. христианского населения с сирийской духовной культурой и обрядностью в местностях к западу от озера Иссык-Куль».²⁷ В XII в. несторианство имело кое-какие успехи и в среде некоторых татаро-монгольских племен. Это были кэрэиты, «до них дошел призыв Иисуса — мир ему! — и они вступили в его веру»,²⁸ о правителе которых Тоорил-хане (Ван-хане) появилась знаменитая средневековая легенда про мифическое христианское государство попа

²⁴ M o u l e A. C. Christians in China before the year 1550, p. 33.

²⁵ К л я ш т о р н ы й С. Г. Историко-культурное значение суджинской надписи.— Проблемы востоковедения, 1959, № 5, с. 167.

²⁶ Там же, с. 168.

²⁷ К о к о в ц о в П. К. К сирогурецкой эпитафии Семиречья.— Известия пмп. Академии наук, 1909, № 1409, с. 773.

²⁸ Р а ш и д - а д - д и н. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, с. 127.

Ивана в глубинах Азии, и найманы.²⁹ Миссионерская деятельность несториан не прекращалась вплоть до конца XIII в. Прибывший в конце XIII в. из Пекина в Рим несторианский священник уйгур (по этнической принадлежности) раббан Саума рассказывал римским кардиналам: «Узнайте, отцы, что многие наши отцы шли в земли монголов, тюрков и китайцев и проповедовали. Теперь многие монголы христиане».³⁰ «История Мар Ябалахи» как раз и интересна тем, что свидетельствует о прочности христианских общин в современном Северном Китае, хотя и не китайских по этнической принадлежности и немногочисленных, но стойко державшихся «старой веры». Однако это не значит, что все эти общины были там и до монгольского завоевания Китая, так сказать, «испокон веков». После монгольского нашествия в составе населения многих районов произошли значительные перемены, связанные с невольным и вольным переселением больших групп людей с Востока на Запад и с Запада на Восток. Уйгурские и иные христианские общины тюркоязычных народов могли появиться в Северном Китае уже после завоевания его монголами из районов Семиречья и Восточного Туркестана. Это обстоятельство особенно важно для понимания роли уйгурских общин, поскольку, как известно, уйгуры добровольно подчинились монголам и были первое время у них в почете. В изложении раббан Саума и раббан Маркоса, например, страна тангутов представляется страной многочисленных и сильных христианских общин.³¹ Однако ни из китайских, ни тем более из тангутских источников мы ничего не знаем о существовании христианских общин в тангутском государстве. Но мы хорошо знаем, что после завоевания тангутского государства Си Ся монголами на его территории произошли значительные изменения в составе населения.³² Возможно, что именно в это время и произошел приток в города Тангута христианского населения. Сказанное не исключает и того, что христианские общины могли быть на территории тангутского государства, включавшего в свой состав, скажем, танские несторианские монастыри в Линьфу, и до уничтожения его монголами. Короче говоря, сведения «Истории Мар Ябалахи III» не могут рассматриваться как свидетельство бесспорной непрерывной традиции христианства в Китае со времени династии Тан или даже ранее, но они заставляют нас попытаться отыскать эти следы в местных источниках (например, в китайских, тангутских и иных). А это крайне непросто. Хорошо известно, что несториане в Китае при передаче догмы своего учения широко использовали традиционную китайскую, в первую очередь буддийскую, терминологию. Человеку, работающему с рукописями тех лет, но мало сведущему в буддизме, очень трудно отличить один текст от другого, особенно когда и процент вероятности обнаружения христианских текстов в море буддийских очень мал. Но о возможности таких находок никогда не следует забывать.

По крайней мере в течение шести-семи веков достижения сирийской духовной культуры благодаря несторианству проникли далеко на Восток, вплоть до берегов Тихого океана. И хотя несторианство не сумело укрепиться на китайской и центральноазиатской почве, будучи не в состоянии побороть местные традиционные идеологии и верования — конфуцианство, даосизм, буддизм, шаманство, оно сыграло огромную роль в установлении культурных контактов между Дальним Востоком и Центральной Азией и Ближним Востоком. Произошел обмен достижениями материальной и духовной культуры, многие плоды которого еще остаются до сих пор неизвестными для нас. Упоминания о христианах-несторианах,

²⁹ Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Пб.—М.—Берлин, 1922, с. 66.

³⁰ История Мар Ябалахи III и раббан Саумы. Исследование, перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигудевской. М., 1958, с. 13.

³¹ Там же, с. 66—67.

³² Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 315—329.

часто неопределенные, в эпитафических памятниках, характерные несторианские кресты, вытесанные на надгробиях христианских могил, — вот то немногое, что рассказывает о минувшем. И пусть следы этих культурных контактов малы и не всегда очевидны, важно то, что уже в раннем средневековье Ближний и Дальний Восток поддерживали между собой постоянные торговые и культурные связи, одним из проявлений которых явились несторианские миссии в Китай и Центральную Азию. Они способствовали обмену не только вещей, но и идей, а значит, и тому, чтобы люди ближе и лучше знали друг друга.

E. I. Kuchanov

SYRIAC NESTORIANISM IN CHINA AND INNER ASIA

The article is a brief survey of the history of the Nestorian's missionary work in T'ang China. The Russian translation of the Nestorian monument at Hsianfu in abridgement is given for the first time. The Nestorian Christianity was not able to overcome the Chinese traditional cults and ideologies, but it has played its part in the development of the cultural contacts between the Near and Far East.
